

Алексей Заборовский
К северу от себя

Алексей Заборовский

К северу от себя

<https://litres.ru/73367443>

SelfPub; 2026

Аннотация

Антон Белянский успешный, но опустошённый менеджер. Его жизнь безупречный фасад: хорошая работа, квартира с евроремонтом, машина бизнес-класса. Но внутри лишь однообразный гул тревоги и чувство, что он играет не свою роль. Когда его сокращают с работы, этот фасад даёт трещину.

Отчаявшись найти себя в бесконечной череде бессмысленных собеседований, Антон отчаянно хватается за соломинку соглашается на временную работу смотрителем на заброшенной метеостанции Зимовье на краю света.

Его путь на Север становится путешествием вглубь себя. Отрезанный от цивилизации в суровой тайге, а затем в бескрайней тундре, он сталкивается не с романтикой приключений, а с жестокой простотой выживания: холодом, голодом, одиночеством и собственными страхами. Постепенно, шаг за шагом, он сбрасывает надетые годами маски начальника, мужа, успешного человека. Он учится колоть дрова, слушать тишину, добывать пищу и принимать немислимые решения.

Содержание

Глава 1: Расписание тишины	4
Глава 2: Порочный круг из хорошей бумаги	11
Глава 3: Голос из вечной мерзлоты	22
Глава 4: Исход из Египта	30
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Алексей Заборовский

К северу от себя

Глава 1: Расписание тишины

Будильник зазвонил ровно в шесть утра, как он делал это каждый будний день последних много лет. Антон не стал бороться с привычкой тела просыпаться за пять минут до звонка – он просто лежал с открытыми глазами в полумраке спальни, слушая, как тикают последние секунды тишины.

Тишина здесь была особенной – не живой, природной, а густой, настоящей на одиночестве и внутреннем противоречии.

Квартира в новом «комфорт-классе» с ремонтом в стиле «скандинавский минимализм» поглощала звуки, как стерильная камера. Светло-серые стены, паркет под цвет серого утра, дизайнерский торшер, который он включал раз в месяц, чтобы не перегорала лампочка. Все было идеально, как на картинке из каталога, которую он когда-то, пять лет назад, показывал жене. Кате. Екатерине.

«Здесь будет наш дом», – сказал он тогда. Она улыбнулась, но в уголках глаз что-то дрогнуло. А через год ее здесь не стало. Она не умерла— она просто ушла к другому, челове-

ку, в чьей квартире пахло котом и жареной картошкой, кто смеялся громко и включал музыку посреди ночи. «Мне здесь душно, Антоша, – сказала она на прощание. – У тебя все как по линейке. Даже печаль у тебя какая-то правильная».

Он встал, босиком прошел по холодному паркету в ванную. Его отражение в зеркале было знакомым до тошноты: сорок два года, аккуратная проседь у висков, еще не успевшая расползтись, глаза серые, спокойные, с легкими мешками недосыпа под ними. Лицо мужчины, который держит себя в руках. Он побрился тем же станком, нанес тот же лосьон с запахом дерева и мяты. Действия были отточены до автоматизма, освобождая мозг для фонового гула неопределенной тревоги.

Завтрак – овсянка на воде, два вареных яйца, чашка черного кофе. Хозяин квартиры сидел на высоком стуле у барной стойки, глядя в огромное окно-панораму. Внизу, в двадцати этажах под ним, город просыпался, зажигая фары в утренней мгле. Его город, в котором он родился, вырос и занял свою, казалось бы, прочную нишу. Начальник планово-диспетчерского отдела на машиностроительном гиганте «ВостокПромМаш». Зарплата, позволяющая выплачивать ипотеку за эту стерильную коробку, содержать трехлетней давности черный Skoda Superb в подземном паркинге и дважды в год летать в Турцию или Таиланд в отель «все включено». Средний класс. Успех. По меркам большинства – да.

Антон помыл чашку, поставил ее в сушку. На секунду его

взгляд зацепился за закрытую дверь второй спальни – «кабинета». Там, в идеальном порядке, стояли под стеклянными колпаками собранные им модели парусников. Хобби. Когда-то, несколько лет назад, это его затягивало: крошечные детали, запах клея, тишина долгих вечеров. Теперь он заходил туда раз в месяц, чтобы стереть пыль. Процесс перестал приносить удовольствие, осталась лишь привычка и видимость увлечения. Как и все остальное.

Дорога на работу занимала ровно сорок пять минут. Он включал подкаст о новых технологиях в менеджменте и слушал его, не слыша. Руки сами поворачивали руль, ноги переставляли педали. Его мысли кружили вокруг одного и того же: сегодня среда, в четверг отчет по эффективности, в пятницу – планерка с дирекцией. Потом суббота, воскресенье. В субботу – бассейн, абонемент, который надо отрабатывать, в воскресенье – поход в гипермаркет за продуктами на неделю. И так по кругу.

Проходная завода – стальная глыба советской эпохи, облицованная новым пластиком. Знакомое лицо вахтера, кивок. Длинный коридор административного корпуса, запах старого линолеума, лака и тоски. Его кабинет – просторный, с большим столом, двумя компьютерами и видом на цеха. На стене – сертификат «Лучший руководитель года-2019».

Первые два часа ушли на просмотр почты и цифры. Цифры планов, цифры факта, цифры отклонений. Цифры, которые когда-то говорили ему о жизни завода, а теперь стали

просто абстракцией, набором символов в таблицах Excel. В десять пришла Марина, его заместитель, с проблемой по отгрузке.

– Антон Валерьевич, у «Кронштадта» снова претензии по упаковке, – ее голос был ровным, деловым. – Грозятся штрафными санкциями.

Он выслушал, дал инструкции – те же, что давал в прошлый раз, и позапрошлый. Решение было правильным, эффективным. Марина кивнула и вышла. В кабинет снова вернулась тишина, нарушаемая лишь тихим гудением системного блока.

Именно в эту «тишину», ближе к обеду, и вошел Павел Сергеевич, начальник отдела кадров. Его лицо было странно бесстрастным, формально-сочувствующим.

– Антон Валерьевич, есть минутка? По поводу структурных оптимизаций...

Антон слушал. Слова летели мимо, но смысл долетел и впился точно в солнечное сплетение: «...вынужденная мера... сокращение непрофильных активов... планомерно-диспетчерский отдел сливается с отделом логистики... ваша позиция, к сожалению... соглашение о расторжении по соглашению сторон с компенсационным пакетом...»

Голос Павла Сергеевича звучал, как шум из телевизора в соседней комнате. Антон смотрел на него и видел не лицо, а размытое пятно. Он кивнул. Сказал что-то вроде «понимаю» и «спасибо за информацию». Пожал протянутую руку. Его

собственная рука была сухой и холодной.

Когда дверь закрылась, он не рухнул на стул, не закричал, не стал звонить с гневными воплями. А просто развернулся к окну и смотрел на дымящие трубы цехов. Внутри не было ни паники, ни даже страха. Было что-то другое. Тяжелое, как свинцовый колокол, облегчение.

Странно, но первой мыслью было: «Теперь завтра не будет среды. Не будет планерки в пятницу».

Антон собрал личные вещи в картонную коробку – пару книг, чашку, циркуль. Процесс занял десять минут. В коридоре столкнулся с молодым экономистом из смежного отдела, который, узнав новость, пробормотал.

– Вот это да, Антон Валерьевич... Не ожидали... Держитесь.

Фраза прозвучала как ритуальный заговор, лишенный смысла. Из соседнего кабинета вышла Марина. Ее глаза избегали встречи с его взглядом. – Если что с документами – я помню, где что лежит. Обращайтесь», – сказала она быстро и деловито, уже отстраняясь, переходя в новый расклад сил.

А вот у лифта его догнал старый технолог Геннадий Иванович, работавший на заводе со времен его отца «Гороха». Тот положил ему на плечо тяжелую, в мозолях, руку и хрипло прошептал, пахнув махоркой и смазкой.

– Не тужи, Антон. Эти... они всех порежут. Ты парень правильный, головастый. Без работы не останешься. Может, оно и к лучшему, а? Вырвало тебя из этой конторы – гля-

дишь, и жизнь начнется.

И похлопал по плечу, смущенно, по-мужски. Этот жест, неловкий и искренний, пронзил сильнее всех официальных соболезнований.

Дорога домой в тот день не имела длины во времени. Он ехал, не включая подкастов, и слышал лишь шум шин и редкие гудки машин. Мобильный телефон на пассажирском сиденье изредка вспыхивал уведомлениями. Коллеги. Короткие сообщения: «Антон, только что узнал, соболезную», «Крепись», «Это несправедливо», «Будь на связи». Он читал их и видел за текстом не лица, а отстраненную вежливость, смешанную с легким облегчением: «Пронесло мимо меня». Никто не позвонил. Звонок – это вовлеченность, риск, время. СМС – безопасный ритуал прощания с ушедшим из племени.

Антон сел за свой пустой домашний стол. Взгляд упал на экран компьютера, где утром была открыта таблица с планом на апрель. Квартальный план. Годовой план. План его жизни, составленный кем-то другим и принятый им когда-то к исполнению.

Внезапно, сквозь оцепенение, прорвалась одна-единственная, острая, почти физическая тоска. Не по работе, не по статусу. А по чему-то настоящему. По запаху костра, а не подогреваемого в микроволновке обеда. По крику настоящей птицы, а не по писку сигнализации во дворе. По разговору, в конце которого не надо говорить «ясно, делай так».

Он взял со стола идеально отполированный латунный циркуль, сувенир от поставщиков. Держал его в ладони, чувствуя холод металла. И впервые за много лет Антон Белянский позволил себе просто сидеть. Не думать о планах. Не анализировать. Не искать решения. Не проверять почту в ожидании новых задач. Просто сидеть и смотреть, как за окном медленно гаснет короткий весенний день, падает снег, и слушать, как в наступившей тишине квартиры-стерилизатора гулко и ритмично бьется его собственное, одинокое сердце.

Конец дня. Конец эпохи. А что дальше – не было понятно. И в этой непонятности, странным образом, таился проблеск чего-то живого. Тишина вокруг больше не была густой и давящей. Она была просто тишиной. Пустым пространством. А пустота, как известно, – лучшее условие для появления нового звука.

Глава 2: Порочный круг из хорошей бумаги

Три недели после разговора с Павлом Сергеевичем пролетели в странном, ватном вакууме. Антон оформил всё по «соглашению сторон» – так было цивилизованнее и выгоднее. Компенсационный пакет был щедрым: шесть окладов, оплата неотгулянного отпуска, сохранение полиса ДМС до конца года. Финансово он мог не работать год, полтора и не заметить ущерба. Именно эта финансовая подушка, которая должна была дарить спокойствие, теперь вызывала глухое раздражение. Она была как констатация: ты отработанный материал, но мы заплатим, чтобы ты ушел тихо.

В первый же день «свободы» он сел за ноутбук на своем идеальном кухонном острове и составил таблицу. Столбцы: «Компания», «Вакансия», «з/п», «Требования», «Статус». Это успокаивало – возвращало иллюзию контроля. Он рассылал резюме методично, как солдат на позициях. Его опыт, его «Лучший руководитель года-2019» были весомыми аргументами. Отклики приходили быстро. Странно все внутри щемило, от проживаемой жизни, но снова делал все «как надо», «как привык».

Первое собеседование было в консалтинговой фирме в

стеклянной башне в центре. Интерьер – открытые пространства, кресла-мешки, запах свежесваренного кофе и амбиций. HR-директор, женщина лет тридцати в идеальном блейзере, улыбалась ярко и «беззубо».

– Антон, расскажите о вашем самом сложном управленческом решении, – спросила она, и в ее глазах светился заученный интерес.

Он говорил о реструктуризации логистических потоков в кризис 2015-го. Говорил четко, по пунктам, с цифрами. Она кивала. А потом спросила.

– А как вы относитесь к концепции agile-трансформации линейных производственных процессов в парадигме scrum-подхода?

Вопрос повис в воздухе. Антон смотрел на нее и видел не человека, а говорящий учебник по менеджменту. Он ответил что-то общее, правильное. Ему улыбнулись, поблагодарили, сказали «мы вам перезвоним». Звонка не последовало.

Второе собеседование было на заводе-конкуренте, поменьше. Директор по производству, грузный мужчина с усталыми глазами, похожими на его собственные, слушал молча.

– План-факторный анализ ты везешь? – перебил он на середине фразы.

– Конечно.

– А дисциплину? Люди нынче – пыль. Пожаловаться побегут, уволиться. С ними как?

Антон начал рассказывать о системе КРІ, мотивации. Директор махнул рукой.

– Теория. Мне надо, чтоб гайки крутились. Ты с «Восток-ПромМаша»... Там народ сытый, обленившийся. У нас драка за каждый станко-час. Потянешь?

Вопрос был честным. И Антон, глядя в эти усталые глаза, понял, что не потянет. Не потому что не сможет, а потому что не хочет. Не хочет снова погружаться в эту бесконечную, изматывающую драку. Он сказал «справлюсь», но в голосе прозвучала фальшь, которую директор уловил мгновенно. Кивнул, не дослушав: «Мы подумаем».

Третье, четвертое, пятое... Они сливались в один беспокойный сон. Антон приходил в офисы, говорил правильные слова, смотрел в глаза людям, которые искали в нем не человека, а функцию. Да с сам чувствовал себя функцией – «опытный руководитель среднего звена», упакованный в де-

ловой костюм и набор корпоративных клише. Каждый раз, выходя из здания после собеседования, делал глубокий вдох, будто всплывая после долгого погружения, и чувствовал нарастающую тошноту. Он был неживым товаром на полке, и покупатели вежливо щупали его, но клали обратно.

Дни, лишённые структуры, растягивались в резиновую, тоскливую паутину. Антон ходил в бассейн по утрам, отмеряя дорожку за дорожкой с механической точностью. Заходил в пустой «кабинет», смотрел на свои парусники под колпаками – фрегаты, бриги, каравеллы. Застывшие в идеальных позах, они ждали ветра, которого никогда не будет. Однажды он взял в руки «Кэтти Стюард», самую сложную свою работу. Рассмотрел крошечные снасти, паруса. И вдруг остро, до боли, захотелось разбить стекло, выхватить корабль и швырнуть его об стену, чтобы хоть что-то хрустнуло, разлетелось, издало звук.

Вместо этого он аккуратно поставил модель на место и вышел, плотно закрыв дверь.

Пик отчаяния, иронично, наступил не в момент бездействия, а в момент, когда пришло самое заманчивое предложение. От логистической компании с иностранным капиталом. Позиция – директор по планированию. Зарплата – на треть выше прежней. Офис – с видом на реку. HR-менеджер, молодой парень в очках в тонкой оправе, сказал по телефону почти бодро.

– Антон Валерьевич, мы вас видим в нашей команде! Кол-

легия партнеров утвердила, осталось пройти формальное собеседование с вице-президентом по региону в пятницу. Все будет ок!

И в этот момент, слушая этот жизнерадостный голос, Антон понял страшное: он этого не хочет. Не хочет этого офиса, этой зарплаты, этого «вице-президента». Мысль о том, что он снова наденет маску, войдет в новый, чуть более позолоченный круг той же самой беличьей колье, вызвала у него приступ настоящей, физической паники. Он сжал телефон и выдавил.

– Спасибо, я подумаю.

Положив трубку, он долго стоял посреди гостиной, глядя в огромное, чистое окно. За ним был город, миллионы огней, жизнь. А он был здесь, в своей тихой, красивой, мертвой клетке. На него давили стены, давил потолок, давил этот идеальный паркет. Ему нужно было на воздух. Просто выйти и идти. Куда угодно.

Ему нужно и правда подумать, все слишком не определено. Антон накинул первое, попавшееся под руку пальто – дорогое, кашемировое, купленное для важных переговоров, – и вышел, хлопнув дверью. Лифт плавно понес его вниз, в подземный паркинг, но он нажал кнопку первого этажа. Ему нужно было на улицу, к людям, к шуму, к жизни, которую он чувствовал лишь через толстое стекло.

Он вышел во двор, прошел через арку на тихую, уютную улицу с дизайнерскими фонарями и ровно подстриженны-

ми кустами. И пошел не в сторону оживленного проспекта, а вниз, к старому району, к набережной, где в его детстве еще пахло рекой и мазутом, а не кофе и деньгами.

Шел быстро, почти бежал, не замечая прохожих. В голове стучало: «Не хочу. Не хочу. Не могу». Пальто было ему не по погоде, вспотевшая спина леденила кожу. Он свернул в старый сквер – островок запустения среди новостроек. Здесь были разбитые скамейки, голые, кривые деревья и смутный запах прошлого. И тут он увидел их.

На замерзшей, грязной луже у детской песочницы, давно ставшей собачьим туалетом, лежал лебедь. Большая, величественная птица, с белоснежным, теперь запачканным в грязи оперением, беспомощно билась одним крылом. Второе крыло неестественно выгибалось, явно сломано. Рядом, растопырив маленькие крылышки и шипя, метался лебеденок, серый, нелепый комок пуха. Он пытался прикрыть мать, атаковать невидимого врага, тыкался клювом в ее неподвижное тело.

Антон замер. Вся его внутренняя буря, весь комок отчаяния и тоски застрял в горле. Он смотрел на эту трагедию, разыгрывающуюся в грязи среди битого стекла и пивных банок. Лебедь подняла длинную шею, посмотрела на него темным, бездонным глазом. В этом взгляде не было ни мольбы, ни страха. Было просто страдание и гордая, дикая покорность судьбе.

И тут из-за угла, тявкая и рыча, выскочила стая бездом-

ных собак. Три-четыре помеси, тощих, с желтыми глазами. Они учуяли легкую добычу. Лебеденок отчаянно зашипел, встав между собаками и матерью.

Антон не думал. Мыслей не было вообще. Было лишь чистое, животное движение.

– АЙ! КШШ! ПОШЛИ ВОН! – Его собственный голос, хриплый, незнакомый, разорвал тишину сквера.

Он бросился вперед, замахнувшись ключами от «Шкоды», которые оказались в руке. Собаки, ошарашенные неожиданной атакой, отпрянули, заворчали. Самая крупная, дворняга с разорванным ухом, сделала выпад в сторону лебеденка. Антон пнул в ее сторону комок мерзлой земли. Попал. Собака взвизгнула и отскочила. Еще секунда – и вся стая, поняв, что двуногий сошел с ума, с негодующим тьяканьем отступила в сумерки.

Он стоял, тяжело дыша, над растерзанным царством птиц. Лебедь снова опустила голову в грязь, лишь слабо пошевеливая целым крылом. Лебеденок, забыв про него, тыкался клювом в ее перья.

Нужно было что-то делать. Звонить. Куда? В службу спасения животных? Сейчас, в семь вечера? Он набрал номер, который нашел в интернете. Долгие гудки. Потом уставший женский голос:

– Если животное ранено, вы можете привезти его к нам на станцию, адрес.

Станция была за городом. В тридцати километрах.

Он снова посмотрел на лебедя. Потом на свое кашемировое пальто. Потом снова на лебедя.

Антон снял пальто, аккуратно, почти ритуально положил его на грязную скамейку. Подошел к птице.

– Тихо... Тихо теперь... – прошептал, не узнавая свой голос.

Он наклонился, стараясь не смотреть в тот темный, все понимающий глаз. Осторожно, боясь причинить еще больше боли, просунул руки под горячее, трепетное тело птицы. Она слабо сопротивлялась, хлопнула здоровым крылом, но сил у нее не было. Он поднял ее. Она была неожиданно тяжелой, живой, настоящей. Лебеденок, испуганно пища, поплелся за ним.

Так он и шел по темнеющим улицам – мужчина в дорожной рубашке и жилетке, несущий на руках огромную, грязную, умирающую птицу, а за ним, поскальзываясь, брел серый пуховичок. Прохожие оборачивались, кто-то снимал на телефон. Ему было все равно.

Он донес лебедя до своего подъезда. Охранник у входа вытаращил глаза, но не сказал ни слова – слишком уж решительным было лицо у жильца. Антон уложил птицу на растеленное на пассажирском сиденье «Шкоды» пальто, лебеденка посадил на сиденье. И поехал. В неизвестность. На станцию. Сквозь вечерний поток машин, под «удивленные»

взгляды водителей.

Вел машину одной рукой, другой придерживая куртку, чтобы птица не скатилась. И в этой безумной, отчаянной поездке, в запахе крови, перьев и страха, с ним произошло что-то важное. Впервые за многие месяцы, а может, и годы, он делал что-то не потому что «надо», не по плану, не для галочки. Он делал это потому что не мог иначе. И в этой спонтанной, иррациональной невозможности лежала крупица чего-то такого, чего он не мог назвать, но что отдаленно напоминало жизнь. На полпути к станции лебедь затихла. Со всем.

Антон понял это не сразу. Потом он почувствовал, как дрожь в «куртке» под его ладонью прекратилась. Он съехал на обочину, птица лежала, вытянув свою изящную шею, темный глаз был теперь закрыт белой пленкой. Лебеденок на сиденье тихо попискивал.

Он сидел над ней, и по его щекам, к собственному удивлению, текли горячие, соленые слезы. Антон не плакал с тех пор, как умер отец. А сейчас плакал над незнакомой птицей в грязном на обочине кольцевой дороги.

Он довез тело до станции, передал его уставшей женщине-ветеринару, оставил лебеденка на передержку и пожертвовал на его содержание пятнадцать тысяч наличными – все, что было в кошельке.

Обратная дорога в пустом, темном автомобиле была самой долгой в его жизни. В пальто он так и не вернулся –

остался в тонком жилете, и холод пробирал до костей. Но это был честный, чистый холод с улицы, а не искусственный мороз из кондиционера.

Дома, в стерильной тишине своей квартиры, он подошел к огромному окну, обнял себя за плечи и простоял так до самого утра, глядя, как на город опускается туман, скрывая линии и планы. Внутри него что-то сломалось или, наоборот, встало на место. Задумчивые мысли, страх

Антон окончательно понял, что больше не может. Не может рассылать резюме. Не может надевать маску. Не может жить в этой беличьей клетке из правильных решений. Нужно было бежать. Не в Турцию. Не на дачу. Бежать от себя самого, от этого призрака, в которого он превратился.

И тогда, в сером свете наступающего утра, его взгляд упал на старую, запыленную фоторамку на книжной полке. Школьное фото. Он, улыбающийся, с глупой челкой, и рядом – Дима Соколов, его лучший друг, с которым они когда-то мечтали о кругосветке на яхте. Дима, который уехал на Север сразу после института и звал его за собой. «Ты с ума сошел, там же медведи и никакого толка!» – смеялся тогда Антон.

Он взял телефон. Пальцы сами нашли в мессенджере старый, года три не обновлявшийся чат. Последнее сообщение было от Димы два года назад: фотография северного сияния над какими-то антеннами. Подпись: «Красота-то какая. Лечит душу, братан».

Антон набрал сообщение. Стер. Набрал снова. Снова стер. Потом просто нажал кнопку звонка.

Сигналы пошли в эфир, в неведомую даль, за тысячи километров, туда, где, как он помнил, у Димы был плохой прием и вечная мерзлота под ногами. Он слушал длинные гудки, и сердце его билось так, как не билось даже сегодня, на той грязной луже, когда он бросался на собак. В этом звонке была последняя, отчаянная надежда. Первая по-настоящему взрослая молитва.

Гудки прервались.

Глава 3: Голос из вечной мерзлоты

Гудки длились бесконечно. Антон уже приготовился услышать автоответчик с веселым голосом Димы. «Брось координаты, перезвоню, как выйду из тайги!» Но вместо этого связь внезапно прошипела, захрипела, как человек с большими легкими, и на том конце что-то упало со стуком.

– Алё! – прогремел в трубку голос, такой знакомый и такой далекий, будто доносившийся не через тысячи километров, а сквозь толщу лет. – Кто звонит? Прием хреновый!

– Дима, – сказал Антон, и его собственный голос показался ему чужим, сдавленным. – Это я. Белянский.

На том конце воцарилась тишина, нарушаемая лишь потрескиванием помех. Потом Дима медленно выдохнул:

– Блин. Антон. Ты живой?

Они не виделись пятнадцать лет. Переписывались от случая к случаю, скидывали друг другу открытки на Новый год – Дима настоящие, бумажные, с видами тундры. Последняя была три года назад. На ней стоял штамп метеостанции «Полюс Холода-2».

– Живой, – хрипло ответил Антон. И почему-то добавил: – Пока что.

Это «пока что» повисло в эфире, как признание. Дима его уловил сразу. В его голосе исчезла первоначальная отстра-

ненность, проступила тревога.

– Что случилось, братан? Ты на «ВостокПромМаше»? Кажется, у вас там...

– Сократили, – быстро выпалил Антон, будто срывая пластырь. – Месяц назад.

Еще одна пауза. Потом тихий, низкий свист.

– Понятно. Ну, держись. Земля круглая, работу найдешь. Ты же спец.

– Я не про работу, Дима, – Антон прижал ладонь ко лбу, закрыв глаза. Он стоял у окна, и в отражении видел свое бледное, изможденное лицо. – Работу... предлагают. Не ту.

– А... – в голосе Димы появилось понимание. – Душа, значит, болит. Знакомо.

И вот они заговорили. Не о цифрах, не о планах, не о карьере. Антон, сбивчиво, обрывочно, начал рассказывать. Про пустую квартиру, про парусники под стеклом, про собеседования, где он чувствовал себя манекеном. Про лебедя. Особенно про лебедя. Голос его то срывался, то затихал. Он говорил, как человек, который долго держал плотину, и вот она рухнула, смывая все на своем пути.

Дима слушал. Молча, не перебивая. Лишь иногда в трубке слышалось его ровное дыхание и далекий вой ветра.

– Ты знаешь, – наконец сказал Дима, когда Антон выдохся, – тут у нас эвенки говорят: когда человек теряет свой след, ему нужно уйти туда, где следов вообще нет. Чтобы найти свой заново.

– Я не знаю, куда идти, – признался Антон. Это было страшно – произнести это вслух.

– Ко мне, – просто сказал Дима. – Приезжай в гости. Просто так. Воздух сменишь. У нас тут... воздух другой.

– К тебе? На метеостанцию? – Антон невольно улыбнулся, представив себя среди снегов и антенн. Картинка из детской книжки.

– Нет, тут у меня сейчас напарник, вахта идет. Но... – Дима замялся, будто взвешивая что-то. – Есть вариант. Тут в пятистах километрах от нас есть старая станция, «Зимовье». Ее нужно законсервировать, данные с нее давно не идут, точнее не так важны, но оборудование демонтировать, журналы забрать. Месяца на полтора, два работы. Смотритель уволился, уехал, нового не прислали. Живет там сейчас старик, Дядя Коля, сторож, он не справится один. Я могу тебя туда устроить. Временная ставка, по договору. Небогато, но... место уникальное. На перевале, над тайгой. Там... думать хорошо, а еще на дальней станции нужно ...есть кое-какая работа. Но это уже...

Антон охватило смятение. Метеостанция. Глушь. Демонтаж. Это было настолько далеко от всего, что он умел и знал, что казалось абсурдом.

– Я в этом ничего не понимаю, Дима. Я экономист, я с приборами...

– Там инструкции есть. Я тебе все объясню. У дяде Коле руки золотые, он научит, что починить. А главное – тишина.

И небо. Такого неба ты в жизни не видел. – В голосе Димы звучала неподдельная, почти религиозная убежденность.

– А что с... с жизнью тут? – слабо спросил Антон, оглядывая свою стерильную квартиру.

– Она подождет. Ну или не подождет. Какая разница? – Дима хрипло рассмеялся. – Слушай, я не агитирую. Но если ты правда в тупике... Иногда нужно не искать выход в старом лабиринте, а просто сломать стену и выйти в поле. Даже если в поле метель.

Они договорились, что Дима перезвонит через пару дней, уточнит детали с начальством. Антон положил трубку и почувствовал, как по его телу разливается странная, нервная дрожь. Не страх. Скорее, ток – как будто он прикоснулся к оголенному проводу после долгих лет жизни под напряжением в 220 вольт. А тут было тысячи.

Он прошелся по квартире. Его взгляд выхватывал детали: пыль на телевизоре с большой диагональю, который он почти не смотрел; вино в баре, которое он пил только по праздникам в одиночку; папка с документами по увольнению на столе, аккуратная, убийственно чистая.

«Сломать стену и выйти в поле».

Мысль была безумной. Невыполнимой. Он – Антон Белянский, бывший начальник ПДО, владелец квартиры в ипотеку – и вдруг едет сторожем на заброшенную метеостанцию? Это был сюжет для плохой книги, или для последнего отчаянного жеста сломленного человека.

Следующие два дня прошли в лихорадочном бездействии. Он пытался читать, смотреть фильмы, но все валялось из рук. Ловил себя на том, что гуглит: «метеостанция оборудование», «тайга выживание», «как чинить дизель-генератор». Это было смешно и трогательно. Выходя в магазин, он придирчиво рассматривал теплые вещи, хотя на улице был конец апреля и уже зеленела трава.

Вечером второго дня зазвонил телефон. Не Дима. Неизвестный номер с кодом того северного края.

– Антон Валерьевич? – произнес официальный, но не неприятный мужской голос. – Вас беспокоит Рогачев, начальник Северного метеоцентра. О вас рассказал Дмитрий Соколов. У нас, действительно, есть временная вакансия на станции «Зимовье». Работа несложная: поддержание порядка, ежедневный съем показаний с приборов, консервация части оборудования. Жилье предоставляется – домик на станции. Продуктами обеспечим на первый срок. Оклад скромный, но северные надбавки и полевое довольствие. Интересно?

Антон стоял посреди гостиной и смотрел на свое отражение в темном окне. Там, в отражении, был человек на развилке. Одна дорога вела назад: к новым собеседованиям, к новой, чуть более позолоченной клетке, к медленному угасанию в этом идеальном интерьере. Другая – в никуда. В белое пятно на карте. В метель.

– Да, – сказал он четко, перекрывая внутреннюю дрожь. –

Интересует. Что нужно сделать?

Они обсудили формальности: отправить скан паспорта, трудовой, подписать договор дистанционно. Рогачев звучал устало и деловито, как будто отправлял людей в глухомань каждый день. Возможно, так оно и было.

Когда разговор закончился, Антон сел на диван и уставился в стену. Решение было принято. Теперь его охватила не дрожь, а странная, леденящая пустота. Как перед прыжком с высоты.

Он встал, пошел в спальню, достал с антресоли большой походный рюкзак, купленный когда-то для несостоявшегося похода в горы. Поставил его посреди комнаты. Потом взял ноутбук и хорошую беззеркальную камеру – подарок самому себе на прошлый день рождения, который так и лежал в коробке. Он положил их рядом с рюкзаком.

«Блог, – подумал он. – Буду вести блог. «Дневник с края света». Чтобы не сойти с ума. Чтобы оставалась связь. Чтобы... засвидетельствовать».

Это была последняя попытка ухватиться за рациональное, за знакомое. Документировать. Анализировать. Превратить безумие в проект.

Он начал собирать вещи механически, как робот. Каждое действие было простым и понятным. И в этой простоте было облегчение. Не нужно было думать о стратегиях, KPI и корпоративной политике. Нужно было думать о теплых носках. Это было по-человечески.

Поздно вечером, Антон сел на пол у окна, прислонился спиной к холодному стеклу и смотрел на огни города. Он думал о лебеде. О том, как то тяжелое, живое тело обмякло у него в руках. Смерть была настоящей. Боль была настоящей. А все, чем он жил до этого, было картонной декорацией.

Он достал телефон, открыл приложение с банковскими счетами. Перевел очередной платеж по ипотеке. Потом написал сообщение управляющему домом, что уезжает в длительную командировку, и просил присматривать за квартирой. Последнее было похоже на записку, оставляемую перед самоубийством, и он с горькой усмешкой это осознал.

Потом открыл чистую страницу в блокноте на ноутбуке. Курсор мигал на белом поле. Набрал заглавными буквами: *«ДНЕВНИК С КРАЯ СВЕТА. ДЕНЬ НУЛЕВОЙ».*

И под ним:

«Завтра лечу на Север. Не знаю, зачем. Знаю только, что оставаться здесь – все равно, что быть лебедем в грязной луже. Ждать, когда придут собаки. А они всегда приходят».

Он сохранил файл, закрыл ноутбук.

Впервые за много лет, ложась спать в своей идеальной, тихой спальне, Антон Белянский не думал о завтрашнем дне. Он просто слушал тишину. Она была не пустотой, а ожиданием. Предчувствием ветра, который вот-вот должен был ворваться в наглухо закрытые окна его жизни и смести все – и пыль, и парусники, и планы – в небытие. Он почти ждал этого ветра. Почти надеялся на него.

Последней мыслью перед сном была простая, почти детская: «Интересно, а там, на перевале, бывают лебеди?»»

Сон пришел быстро и был, на удивление, глубоким и без сновидений.

Глава 4: Исход из Египта

Утро началось с мелкого, но принципиального предательства. Антон отменил еженедельную уборку у клининговой службы. Не «перенес», а именно отменил. Восемь лет, каждую субботу в десять утра, в дверь звонила аккуратная женщина с сумкой на колесиках, и квартира за три часа возвращалась в состояние стерильного идеала. «Нам не нужна уборка, мы уезжаем», – сказал он по телефону, и в этих словах «нам» и «уезжаем» была странная, запретная сладость. Никакого «нам» не существовало. Но он говорил от лица своего будущего, пугающего и манящего «я», которое уже сидело где-то в самолете над тайгой.

Сборы превратились в странный ритуал избавления. Он стоял перед открытым шкафом и проводил ревизию своей прежней жизни. Костюмы, рубашки с галстуками, парадные туфли – все это висело как шкура сброшенного существа. Он взял один костюм, самый дорогой, из тонкой шерсти, и прижал к лицу. Пахло химчисткой и чужими решениями. Он упаковал его в самый дальний угол гардеробной. «На всякий случай», – мысленно оправдался, но тут же понял: никакого случая не будет. Тот человек, который носил этот костюм, умер. Медленно и тихо, как тот лебедь.

В походный рюкзак и большую спортивную сумку он клал

только практичное: термобелье, флиски, две пары крепких поношенных джинс, непромокаемые штаны и куртку, которую купил вчера в спортивном магазине, чувствуя себя самозванцем среди молодых альпинистов. Положил новенькие, громко шуршащие ботинки с мембраной. Камеру, ноутбук, пауэрбанки. Аптечку, укомплектованную по инструкциям из интернета: от поноса до кровоостанавливающих жгутов. Смотрел на эти жгуты и нервно смеялся. Он, срезавший себе палец разве что бумагой в офисе.

Отдельным пакетом лежали «связующие нити»: зарядки, переходники, портативный роутер с сим-картой, которую ему обещали активировать в райцентре. Обещали устойчивый сигнал. Он в это не верил, но сам факт покупки этого роутера был актом веры в то, что связь с миром возможна и необходима.

Потом обошел квартиру. Не как хозяин, а как вор, который должен запомнить расположение ценностей перед ограблением. Остановился у полки с парусниками. Стекланные колпаки блестели в утреннем свете. «Кэтти Стюард» гордо несла свои паруса в несуществующий ветер. Рука сама потянулась к колпаку, чтобы снять его, взять хрупкий корпус... Но он опустил руку. Нет. Пусть остаются тут, в своем законсервированном, безопасном мире. Это – его прошлое. Музей самого себя.

Он вышел из квартиры, оставив ключи под ковриком для управляющего (абсурдный, но понятный обоим жест), и по-

ехал в аэропорт на такси. Садиться за руль своей «Шкоды» не было сил. Машина осталась в подземелье, как броненосец на приколе.

Аэропорт поразил его своим неестественным оживлением. Толпы людей, бегущих по своим делам с сосредоточенными лицами. Он чувствовал себя призраком, прозрачным и невесомым, который движется против потока. Регистрация на рейс до Крайнего Севера прошла быстро – народу было мало. Девушка за стойкой бросила беглый взгляд на его походную экипировку и безразлично протянула посадочный. «Рейс задерживается на час из-за погоды в пункте назначения». «Погода» – это слово прозвучало как первое предупреждение, весточка из того мира, куда он летел.

В зале ожидания будущий «полярник» купил кофе и сел у окна, смотря на взлетные полосы. До вылета оставалось время, и его накрыла первая, острая волна сомнения. Что он делает? Он бросил все. Квартиру, машину, остатки карьеры. Полетит в гиблую дыру, чтобы крутить какие-то приборы и жить в избушке с незнакомым стариком. Это был чистый, неразбавленный побег. Трус. Беглец. Дима говорил про «сло-мать стену», но чувствовал он себя не стеноломом, а крысой, бегущей с тонущего корабля, который, возможно, еще и не тонул вовсе.

Антон достал телефон, открыл браузер. «Вакансии директор по планированию». Первая же ссылка вела на сайт той компании с иностранным капиталом. Он мог им позвонить.

Сейчас. Сказать, что передумал. Что готов на собеседование. Что...

На соседнем кресле кто-то громко разговаривал по телефону. Молодой мужчина в таком же, как у него когда-то, дорогом пальто, только новом.

– Да, Сергей Петрович, презентация готова, КРІ выведены, я уверен, что они купят... Нет-нет, я все просчитал, сижу в аэропорту, лечу их убеждать... Абсолютная уверенность!

Голос был звонким, напористым, полным той самой дешевой уверенности, которая когда-то была и у него. Антон смотрел на этого человека и видел себя пятилетней давности. Видел пустоту за блеском в глазах, нервный тик в уголке рта, сжатые кулаки. Этот человек летел «их убеждать». А он летел... просто летел. Никого не убеждать. Ничего не продавать. Он закрыл браузер.

Посадка была объявлена. Рейс был не на большом лайнере, а на турбовинтовом самолетике, похожем на игрушку. Пассажиров было человек тридцать – суровые мужчины в камуфляже, пара геологов с потрепанными рюкзаками, несколько женщин с усталыми лицами, вероятно, вахтовики. Антон с его новенькой, яркой курткой и городским рюкзаком выделялся как попугай среди ворон.

Он сел у иллюминатора. Самолет взревел, пробежался по полосе и оторвался от земли. Антон прижался лбом к холодному стеклу. Внизу уплывал его город – четкие квадра-

ты кварталов, ниточки дорог, блестящие пятна водоемов. Он искал глазами свой район, свой дом, но не нашел. Все слилось в одно серое пятно. Исчезло. Как и его прошлая жизнь.

Когда самолет набрал высоту и пошел над сплошной пеленой облаков, к нему подошел стюард, немолодой, с обветренным лицом.

– Первый раз на север? – спросил он негромко, разливая сок.

Антон кивнул.

– По работе?

– Да... Вроде того.

Стюард хмыкнул, поняв все.

– Ничего. Привыкнешь. Главное – чай горячий пей и не грусти. У нас на севере грусть замерзает внутри и потом не оттаивает.

Он отошел, оставив Антона с этой странной, страшной метафорой. «Грусть замерзает внутри». А что, если она уже замерзла? И что будет, если она оттаит там, в тайге?

Полет длился четыре часа. Антон то дремал, то просыпался от турбулентности, хватаясь за подлокотники. Он смотрел

в иллюминатор. Пейзаж внизу менялся кардинально: сначала поля, потом редкие леса, потом – бескрайнее, пупырчатое от чахлах деревьев море тайги, прорезанное извилистыми нитками замерзших рек. Цивилизация кончилась. Осталась только планета. Суровая, безразличная, огромная.

Перед посадкой самолет сделал круг над городом. Вернее, над тем, что называлось городом: скопление серых, похожих на спичечные коробки домов, дым из нескольких труб, заснеженное поле аэродрома и бескрайняя белая пустошь во круг, упирающаяся в лиловую полосу леса на горизонте.

Шасси ударились о бетон, самолет подпрыгнул и покатил по взлетной полосе, засыпанной по краям грязным, слежавшимся снегом. Апрель здесь явно означал что-то другое.

Выход из самолета ударил по лицу морозным, хрустальным воздухом. Он был настолько чистым и колючим, что первые секунды Антон не мог вдохнуть. Потом легкие привыкли, и он ощутил вкус – свежести, холода и какой-то незнакомой, древесной горечи. Небо здесь было не серым куполом, а бесконечно высоким, бледно-голубым пространством.

В здании аэропорта, больше похожем на автовокзал районного центра, его уже ждал водитель на выдавшем виды «Уазике».

– Белянский? На перевалочную? Погружайся.

Дорога до вертодрома заняла сорок минут по ухабистой

грунтовке. Антон молча смотрел в окно. Деревянные дома, покосившиеся заборы, люди в тяжелых, нелепых с городской точки зрения одеждах. Собаки, не лающие, а только провожающие машину тяжелыми взглядами. И везде – снег. Не пушистый, а плотный, слежавшийся, грязноватый по краям дорог, но все еще царствующий.

Вертодром был прост: заснеженное поле, пара ангаров из профлиста и желтый вертолет Ми-8 с работающими двигателями, лопасти которого медленно вращались, взбивая снежную пыль. Воздух дрожал от гула.

Водитель указал на двух человек у вертолета.

– Вон твои попутчики. Спроси, куда садиться.

Антон подошел. Один, коренастый, в ушанке и спецовке, кивнул ему.

– На «Зимовье»? Забрасываем тебя и груз. Садись в кабину, с пилотами. Мы с Федором в грузовой.

В салоне вертолета пахло бензином, машинным маслом и холодным металлом. Антон пристегнулся на узком откидном сиденье за спинами летчиков. Пилот, мужчина лет пятидесяти с усталым лицом, обернулся.

– Герой наш? На вахту? Держись, браток, сейчас потрясет. До базы дяди Коли час двадцать. Там тебя он встретит. Если, конечно, не ушел в запой. Шучу. Колька – золото.

Вертолет вздрогнул, завыл на высокой ноте и оторвался от земли. Вибрация была такой, что у Антона задрезала зубы. Он впился пальцами в сиденье, глядя в круглое окно. Земля ушла вниз, превратившись в бело-серое лоскутное одеяло, прошитое черными нитями рек и просек. Лес внизу казался щеткой из зеленых и бурых иголок. Бескрайняя, безжалостная красота, в которой не было места человеку. Только сейчас, вися в гуле над этой бездной, Антон понял весь масштаб своего безумия. Отсюда не сбежишь. Отсюда не позвонишь. Отсюда можно только упасть.

Он закрыл глаза. Внутри было ледяное, ясное понимание: точка невозврата пройдена. Мосты сожжены. Клетка осталась там, далеко, в теплом, безопасном мире. А он был здесь. В гуле вертолета, в запахе железа, в сердце бескрайней тайги.

Он открыл глаза и снова посмотрел вниз. И вдруг, сквозь гул, сквозь вибрацию, сквозь леденящий ужас, к нему пробилось другое чувство. Крошечное, как первый росток сквозь асфальт. Чувство, которое он не мог назвать. Но оно было чистым. Настоящим. Как удар холодного воздуха в лицо на выходе из самолета.

Вертолет кренился, начиная снижение. Впереди, на опушке у подножия темного, поросшего елями хребта, появилось несколько строений. Домики, будка, сложенные в штабеля бревна. Крошечный островок человеческого присутствия в океане дикой природы.

«База дяди Коли», – прошептал про себя Антон, и его гу-

бы сами сложились в гримасу, похожую на улыбку. Страшную и решительную.

Вертолет пошел на посадку, взбивая снежную бурю. Антон увидел, как из самого большого домика вышел человек, закутанный в тулуп, и помахал рукой.

Приземление было мягким. Пилот обернулся, крикнул сквозь гул:

– Ну, браток, прибыл! Удачи тебе! Не замерзни!

Антон отстегнулся. Его ноги, ватные от долгого сидения, подкосились, когда он спрыгнул на плотный, хрустящий снег. Холод ударил через тонкие ботинки. Он поднял голову.

Человек в тулупе подошел к нему, протягивая руку в огромной варежке. Лицо его было изрезано морщинами, как старый пень, но глаза смотрели ясно и внимательно.

– Антон, значит? Дима звонил, говорил. Добро пожаловать на перевалочный пункт «Веселый». Я – Коля. Дядя Коля для всех.

Его рукопожатие было твердым, теплым и очень сильным. Антон, все еще оглушенный грохотом, кивнул.

– Антон. Здравствуйте.

– Брось «вы», – Дядя Коля махнул рукой. – Тут все на «ты». И здравствуй, раз приехал. Пойдем в избу, чайку налью, отогреешься. А то с лица – как снег.

Он повернулся и пошел к дому, не оглядываясь, уверенный, что Антон пойдет за ним. Антон взял свой рюкзак, бросил последний взгляд на вертолет, который, разгрузив несколько ящиков, уже набирал обороты, готовясь к взлету. Лопасты завертелись быстрее, поднимая вихрь снега. Через минуту желтая машина оторвалась от земли, взмыла в небо и, сделав круг, растворилась в бледной дымке.

Гул стих. Наступила тишина. Не городская, не квартирная. А абсолютная, давящая тишина тайги, нарушаемая лишь далеким криком птицы и скрипом снега под его собственными ногами.

Он остался один. Вернее, с незнакомым стариком на краю света.

Впервые в жизни Антон Белянский ощутил настоящую, физическую границу между «до» и «после». Она прошла не в кабинете кадровика, не у грязной лужи, не в самолете. Она прошла здесь, на этом заснеженном пяточке, когда гул вертолета – последняя нить к старому миру – смолк, и его поглотило молчание вечной зимы.

Он вздохнул, и его дыхание вырвалось густым белым облаком. Потом поднял голову, посмотрел на низкое, свинцовое небо, на темную стену леса, и пошел следом за дядей Колей в теплый, тускло светящийся в сумерках квадрат окна.

Дверь в избу была низкой. Пришлось наклониться. Пройдя порог, Антон остановился, ослепленный сумраком и запахом.

После стерильной чистоты его квартиры воздух здесь был насыщенный, почти осязаемый. Пахло древесной золой из огромной, черной от копоти печи-голландки, топленным молоком, сушеными травами, висящими пучками у потолка, старым деревом и кожей. Пахло жизнью, настоящей на долгом времени, не выветренной, а впитавшейся в стены.

Изба была неказистой, но просторной. Бревенчатые стены, темные от времени и дыма, пол из толстых, неровных плах, просевший посередине. У печи – чугунная лежанка, застеленная оленьей шкурой. Стол, грубо сколоченный из толстых досок, лавки вдоль стен. На полках – немудреные припасы в банках, инструменты, кастрюли, самовар. На стене висели календарь трехлетней давности, фотография какого-то военного корабля и ружье – старое, но ухоженное. Было на удивление чисто, по-мужски аккуратно.

– Скидывай обувь, давай портянки сухие, – сказал Дядя Коля, уже подходя к печи с огромным, закопченным чайником. – У нас тут первое правило: ноги в тепле держать. Промочишь – все, конец.

Антон послушно снял модные, но уже промерзшие ботинки. Его носки были влажными. Он поспешно вытащил из рюкзака запасные, толстые шерстяные, и с наслаждением натянул их на окоченевшие пальцы ног. Дядя Коля наблюдал за ним с легкой усмешкой.

– Городской, сразу видать. Ботинки, как у космонавта, а ноги мокрые. Ничего, научишься.

Он поставил на стол две жестяные кружки, налил темного, как деготь, чая из заварного чайника. Потом достал из печи чугунок, откуда повалил душистый пар, и шлепнул на тарелку перед Антоном огромную, дымящуюся картофелину в мундире и кусок соленой рыбы.

– Ешь. Дорога – не боковая. Сам вчера настругал.

«Настругал» – Антон позже узнает, что это значит «наловил сетями». Он молча взял картошку. Она обожгла пальцы, но не бросил. Горячее, простое, грубое кушанье после бутербродов и кофе из аэропорта показалось пищей богов. Он ел жадно, неловко обжигаясь, чувствуя, как тепло растекается по телу.

Дядя Коля сидел напротив, пил чай, причмокивая, и изучал гостя, без навязчивости, но очень внимательно. Его глаза, маленькие, глубоко посаженные, были похожи на блестящие бусинки – острые и всевидящие.

– Дима сказывал, ты с завода, начальником был, – начал он наконец. – И что ж тебя, такого важного, к нам, в медвежий угол, понесло?

Вопрос был прямым, без обиняков. Антон отложил картошку, вытер губы. Что сказать? Про лебедя? Про пустоту? Про то, что он сбежал?

– Надоело, – сказал он честно, и это прозвучало глубже и правдивее любого длинного объяснения.

Дядя Коля кивнул, как будто это был самый естественный ответ в мире.

– Понимаю. Оно, бывает, надоедает. Особенно когда все есть, а радости – нет. У меня, к примеру, наоборот было. Во всем отказано было, а вот радость... потом нашлась. Здесь.

Он помолчал, попивая чай.

– А работа тут простая, но честная. Приборы посмотреть, журнал заполнить, за дровами-водой следить. И за «Шишигой» – это наш «трактор-вездеход» в сарае стоит. Надо бы движок починить, я уж начал, да рука, старая, подвела. Со сцеплением беда. Думал, справлюсь к твоему приезду, а нет. Вместе доделаем.

Антон кивнул. «Шишига». Сцепление. Слова из другого мира. Но они звучали здесь конкретно и весомо. Это была не абстрактная «ответственность», а конкретная задача: починить, чтобы ехать. Понятно. Осязаемо.

– А что за история с... консервацией станции?

– А, это. Станция «Зимовье» за перевалом. Лет двадцать как автоматическая стоит, данные по спутнику шли. Но техника старая, спутник поменяли, а она на новый не переучилась. Вот и встала. Надо демонтировать, что ценно, журналы архивные вывезти. Месяца четыре работы. А потом, глядишь, и новую поставят, или не поставят. – Дядя Коля пожал плечами. – У нас тут не спешат.

Выпив чай, дядя Коля показал Антону, где он будет спать

– на широкой скамье за печкой, где было сухо и тепло. Потом вывел его во двор, коротко, как командир, объяснив устройство своей маленькой империи: дровяник, колодец с журавлем «лед еще держится, но прорубь есть», баня «протоплю в субботу, отмоешься с дороги», сарай с той самой «Шишигой» – старым ГАЗ-66 на огромных колесах, похожим на доисторического жука. И, наконец, уборная – маленький скрипучий домик в конце тропинки, над глубокой ямой.

– Вот и весь курорт, – резюмировал Дядя Коля. – Связь – спутниковый телефон в избе, раз в день центр на связь выходит. Рация есть, но дальше леса не бьет. Мобилы тут – железяки бесполезные.

Они вернулись в избу. Темнело быстро, почти стремительно. Дядя Коля зажег керосиновую лампу, и мягкий, колеблющийся свет озарил бревенчатые стены, превратив их в живые, дышащие поверхности. Тени плясали в углах.

Антон достал ноутбук, подключил его к портативному роутеру. Иконки сетей не было. Ни одной. Только надпись: «Нет доступных подключений». Он посмотрел на спутниковый телефон – здоровенный, неуклюжий аппарат на отдельном столике. Связь была. Но она была не для блога, не для соцсетей. Она была для «жив-здоров» и «нужна эвакуация».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.